

И. Репин. Портрет хирурга Н.И. Пирогова. 1881 г.

Жизнь гениального российского врача, хирурга, мыслителя, педагога Николая Ивановича Пирогова

Глазко Валерий Иванович — заведующий Центром нанобиотехнологий Российского государственного аграрного университета — МСХА им. К.А. Тимирязева, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, иностранный член академии РАСХН, академик РАЕН

...Замечательно, что самые простые и необразованные сестры выделяют себя более всех своим самоотвержением и долготерпением в исполнении своих обязанностей. Они удивительно умеют простыми и трогательными словами у одра страдальцев успокаивать их мучительные томления. Иные помогают раненым на бастионах, под самым огнем неприятельских пушек. Многие из них пали жертвами прилипчивых госпитальных болезней.

Н.И. Пирогов

Детство

Николай Иванович Пирогов — гениальный российский хирург и анатом, педагог, ученый, общественный деятель, основоположник военно-полевой хирургии и анатомо-экспериментального направления в хирургии. Н.И. Пирогов родился 13(25) ноября 1810 г. в Москве в семье чиновника военного ведомства Ивана Ивановича Пирогова. Его дед Иван Михеевич происходил из крестьян и был солдатом петровской армии, он помнил Петра I, пережил поход Наполеона на Москву. Сын Иван Иванович благодаря полученному образованию вышел в чиновники. Приблизительно двадцати двух лет от роду он женился на девушке из старой московской купеческой семьи Новиковых. Строй семейной жизни деда был патриархальным, вся обстановка — консервативная. Иван Михеевич приучил детей к честности. Иван Иванович был «белой вороной» в кругу интендантских чиновников и никаких побочных доходов от служебных занятий не имел. Он был примерным семьянином, и мать любила детей горячо, дети платили ей тем же. Иван Иванович Пирогов имел 14 детей, большинство из них умерло во младенчестве. Из шестерых оставшихся в живых Николай был младший.

По имеющимся воспоминаниям, детские годы оставили в душе

Николая Ивановича светлые воспоминания. Он любил потешные рассказы и прибаутки друга его отца подлекаря Григория Михайловича Березмина, а также знаменитого оспопрививателя и акушера Андрея Михайловича Клауса. Клаус кроме своей оригинальной наружности интриговал наличием маленького микроскопа. Грамоте Николай Иванович выучился без посторонней помощи по распространенным тогда картинкам-карикатурам на Наполеона. Эти первые впечатления развили в нем любовь к «славе Отечества». Но наряду с этим развилась «непреодолимая брезгливость к национальному хвастовству, ухарству и шовинизму».

Рано научившись читать, Пирогов жадно набросился на книги, которые ему и братьям охотно дарил отец, умевший выбирать лучшее на московском книжном рынке. Очень важным чтением потом Пирогов считал журнал Н.М. Карамзина «Детское чтение для сердца и ума». Пирогов был уверен, что пренебрежение к родному языку лишило русских научной и классической литературы, послужив вместе с тем препятствием распространению охоты к чтению на своем языке: «Когда к образованию начали стремиться и низшие общественные слои, не имевшие возможности познакомиться с европейскими языками в детстве, то нечего было читать; научная и классическая литература не существовала на русском языке». Пирогову исполнилось 8 лет, когда к нему был приглашен первый его учитель, студент Московского университета, начавший занятия с русского языка. Вторым учителем Пирогова стал студент-медик, занимавшийся с ним переводами с латинского языка из хрестоматии Кошанского.

Когда Пирогову исполнилось 11 лет, отец решил отдать его в школу. Несмотря на свои к тому времени ограниченные денежные средства, Иван Иванович выбрал для своих детей лучший

в Москве частный пансион Кряжева. Хорошо знавший английский, французский и немецкий, Кряжев издавал учебники, по которым учились языкам, а также коммерческим наукам, переводил книги по естествознанию, преподавал все эти предметы в московском коммерческом училище, а позднее был его директором. Пансион Кряжева заслужил добрую репутацию, туда отдавали своих детей представители московской буржуазии. Учился здесь и Василий Петрович Боткин, известный друг В.Г. Белинского и И.С. Тургенева. В этот пан-

Главное — вырасти человеком, и тогда любую профессию возможно сделать своей.

сион Пирогов поступил 5 февраля 1822 г. Хорошая память о нем осталась у Николая Ивановича на всю жизнь, причем самые лучшие воспоминания связаны были с уроками русского языка.

В семью Пирогова неожиданно пришла беда. Отец Николая служил государственным казначеем. В 1822 г. его заместитель скрылся с 30 тыс. казенных денег. Казнокрада искали и не нашли, и недостачу, как было принято, повесили на Пирогова. Распродано было все, долг государству вернули, семья бедствовала, денег не было даже для оплаты учебы Н.И. Пирогова, и в 14 лет ему пришлось оставить гимназию. В результате на пороге жизни Пирогов столкнулся с бедностью, всеми ее тяжелыми сторонами — с отсутствием средств, зависимостью от посторонней помощи и всякого рода лишениями. Главное, что вследствие разорения родителей он потерял возможность систематического приобретения знаний. Пришлось как можно скорее приняться за то учение, которое могло дать кусок хлеба и облегчить состояние семьи.

В этот период очень помог домашний врач Пироговых профессор Московского университета Ефрем Осипович Мухин. Он давно заметил и ценил способности Николая, который с детства тянулся к медицине. Мухин предложил Н.И. Пирогову поступать на медицинский факультет университета. Чтобы подготовить юношу к вступительному экзамену, был приглашен окончивший семинарию студент-медик Феоктистов. 11 сентября 1824 г. в правление Московского университета поступило собственноручное прошение Николая Пирогова, со-

общавшего, что желает ученье свое продолжать в университете в звании студента. Дело это было не дворянское, но ничего другого не оставалось. Чтобы его допустили к вступительному экзамену, Николай Иванович приписал себе два года. Через несколько дней профессора Мерзляков, Котельницкий и Чумаков написали в правление университета о том, что, «испытав Николая Пирогова

А. Сорокина. Н.И. Пирогов с няней Екатериной Михайловной

в языках и науках, требуемых от вступающих в университет в звании студента, нашли его способным к слушанию профессорских лекций в сем звании».

Пирогова зачислили в студенты. Когда его приняли, отец на радостях накопил пирожных, и семья впервые за два года наелась сладкого. Вскоре старший Пирогов умер, и Николаю пришлось взять заботу о семье на себя. «Как я, или, лучше, мы, — писал по прошествии многих лет Н.И. Пирогов, —

и кротким, и довольным, и благополучным».

Хирургия была для Пирогова в годы московского студенчества «вовсе неприглядною и непонятною». Пирогов в «Дневнике старого врача» пишет, что обучался, «не делая ни одной операции», не видя «ни одного химического препарата в натуре. Вся демонстрация состояла в черчении на доске». Так учили в Московском университете в бытность Пирогова студентом.

Диссертация Пирогова заставила о нем заговорить. Он стал доктором медицины в 21 год.

проницательствовали в Москве во время моего студенчества, до сих пор остается для меня загадкой». Однако, может быть, именно эта нищета помогла Пирогову принять медицину как свое призвание. Уже потом, будучи попечителем учебных заведений, Николай Иванович вспоминал о своих сомнениях в выбранном пути и делал вывод, что главное — вырасти человеком, и тогда любую профессию возможно сделать своей.

В Московском университете

Четырнадцать лет Пирогов поступает в университет, в 17 лет он уже лекарь, в 21 год — доктор медицины, а в 22 — профессор хирургии, в 36 — член-корреспондент Петербургской академии наук (1846 г.). Министр народного просвещения А.С. Шишков предлагал распространять среди людей, обязанных только подчиняться и быть верными помещицкому классу, «правила и наставления в христианских добродетелях», которые «не выводят никого из определенного ему судьбою места и во всех состояниях и случаях делают его и почтенным,

В то же время 1820-е годы отличались повышенной социальной активностью, в том числе и в студенческой среде. В московском студенческом общежитии медицинского факультета насчитывалось в 3 раза больше обитателей, чем в общежитиях остальных факультетов, вместе взятых. Здесь открыто говорили о деспотизме, взяточничестве чиновников, казнокрадстве.

Вспоминая свою студенческую жизнь, Пирогов писал, что «университетская молодежь, представленная самой себе, жила, гуляла, училась, бесилась по-своему... Болтать, даже в самых стенах университета, можно было вдоволь о чем угодно. Шпионов и нарушников не водилось; университетской полиции не существовало; даже и педелей не было. Городская полиция не имела права распоряжаться студентами, а провинившихся должна была доставлять в университет... Запрещенные цензурою вещи ходили по рукам, читались студентами жадно и во всеуслышание. Чего-то смутно ожидали». В студенческом общежитии Николай Иванович познакомился с новейшими западноевропей-

скими философскими течениями, узнал Шеллинга, Гегеля, Омана, научился критически относиться к отечественным профессорам.

Семья в первый год учебы Н.И. Пирогова в университете жила очень трудно. После смерти Ивана Ивановича Пироговых выгнали из отцовского дома. Осиротевших их приютил Андрей Филимонович Назарьев, отдавший им мезонин с чердаком в своем домишке у Покрова в Кудрине и не бравший с них ничего за квартиру. Мать и сестры Николая Ивановича принялись за мелкие работы, надо было самим прокормиться и обеспечить содержание студента. Они не позволяли Н.И. Пирогову давать уроки, полагая, что он должен сам заниматься. Более того, когда другие студенты посоветовали Н.И. Пирогову просить стипендию, мать и сестры запретили ему делать это, поскольку считали постыдным и полагали необходимым рассчитывать только на себя. Пройдя эту школу бедности, Пирогов воспитал в себе внутреннюю свободу. Она потом не раз помогла ему выжить, не сломаться, не держаться за сиюминутные выгоды.

На четвертом курсе профессор физиологии Матвей Яковлевич Мудров сообщил слушателям, что для подготовки русских профессоров решено посылать окончивших курс в отечественных университетах молодых людей за границу для усовершенствования в науках, но предварительно они должны пробыть два года в Дерпте, где учрежден специальный профессорский институт. Решения об открытии этого института при Дерптском университете добился его бывший ректор академик Георг Фридрих Паррот. Встретив Пирогова в коридоре, профессор Мухин дал ему совет: «Вот поехал бы. Приглашаются только одни русские. Надо пользоваться случаем». Пирогов, по его словам, «бухнул, несколько не думая и не размышляя», что он согласен. Главная причина его решения — семейное положение, то есть материаль-

ная необеспеченность — в Дерптском институте платили стипендию. «Как ни был я тогда молод, но помню, что она нередко меня тяготила. Мне уже 16 лет, скоро будет и 17, а я все на руках бедной матери и бедных сестер. Положим, получу и степень лекаря, а потом что? Нет ни средств, ни связей, не найдешь себе и места. В то же время было и неотступное желание учиться и учиться». А учился Пирогов легко.

Так как пришлось выбирать предмет занятий, Николай Иванович назвал физиологию, но ввиду возражений Мухина остановился на хирургии. Размышляя в старости по поводу этого выбора, Николай Иванович писал, что, хотя хирургия была для него «наукой неприглядной и вовсе непонятной», он считает, что «какой-то внутренний голос подсказал» ему это решение: «кроме анатомии есть еще жизнь и, выбрав хирургию, будешь иметь место не с одним трупом».

Дерптский (Юрьевский) университет

Пирогов направился для подготовки к профессорской деятельности в Дерптский (Юрьевский) университет. В то время этот университет считался лучшим в России. Отбор кандидатов был строгий, в Петербурге надлежало держать экзамены. Пирогов сдал их успешно; комиссия пришла к заключению: «Надежен». Потом состоялся прием у министра народного просвещения князя Ливена, который сказал напутственное слово. Вот как об этом вспоминал Пирогов: «Через несколько времени нас позвали к министру, и он дал нам довольно скудное наставление, повторял печальную истину быть добрым, честным и т.п., и, сказавши: „помните, что отечество смотрит на вас любопытным взором, и помните и оправдайте доверенность, на вас возлагаемую императором“, — отпустил нас с миром». В первом письме из Петербурга (от 4 июня 1828 г.)

В. Пирогов. Защита Пироговым докторской диссертации

Николай Иванович писал, что, «приехав в страну, отдаленную от родины и всего родного, совершенно посвятил себя избранной науке», он «в часы уединения» не находит «большей для себя приятности, как только заочно беседовать с близкими сердцу». После петербургского экзамена будущие профессора отправились в Дерпт, где Пирогов был представлен знаменитому хирургу, профессору Иоганну Христиану (Ивану Филипповичу) Мойеру.

Начались занятия, профессор Мойер день ото дня все выше и выше оценивал своего талантливого ученика, открывая в нем хирургическое дарование, изумительное трудолюбие и прилежание. Вскоре Пирогов стал жить в доме профессора.

Мойер занимал кафедру хирургии, хорошо знал свой предмет, был отличным профессором и умелым практическим врачом. Пирогов стал работать под непосредственным руководством Мойера, но скоро расширил круг своих научных интересов и занялся изучением анатомии применительно к хирургии — сочетание для того времени совершенно

новое. Увлечшись этими предметами, Николай Иванович пренебрегал другими разделами медицины, что вызывало нарекания некоторых профессоров.

У Мойера Николай Иванович (по отзывам профессоров за первую половину 1829 г.) «слушал непрерывно и преподавания о хирургии, занимался исключительно практической анатомией, упражнялся в операциях над трупами и пишет сочинения о некоторых частях хирургии».

В Общем замечании медицинского факультета сообщается, что «Пирогов подает основательные надежды, но не столько для хирургии, сколько для анатомии, и притом должно еще заметить, что он с большим прилежанием занимался вспомогательными науками и учился правильному мышлению». В ведомости за второе полугодие 1829 г. сообщается, что Пирогов за подробный и основательный ответ на заданный от медицинского факультета вопрос награжден золотой медалью. Научные занятия Пирогова уже в 1829 г. позволяли факультетской профессуре «...надеяться, что он приобретет отличные зна-

ния в анатомии и хирургии». Так, через полтора года после прибытия в Дерпт Николай Иванович нашел свое истинное призвание.

Приближалось окончание курса, и Пирогов по совету Мойера решил держать экзамен на степень доктора медицины. Темой диссертации Николай Пирогов избрал перевязку брюшной аорты, к тому времени выполненную лишь однажды английским хирургом Эстли Пастоном Купером и то со смертельным исходом. Выводы диссертации молодого ученого были одинаково важны и с теоретической, и с практической точки зрения. Он первым изучил и описал топографию, то есть расположение брюшной аорты у человека, расстройства кровообращения при ее перевязке, пути кровообращения при ее непроходимости, объяснил причины послеоперационных осложнений. Николай Пирогов предложил два способа доступа к аорте: чрезбрюшинный и внебрюшинный. С учетом высокой смертности при любом повреждении брюшины второй способ был особенно актуален. Эстли Купер, в первый раз перевязавший аорту чрезбрюшинным способом, ознакомившись с диссертацией Пирогова, заявил, что, доведись ему делать операцию вновь, он избрал бы иной способ.

Диссертация была посвящена топографической, или хирургической, анатомии, рассматривающей взаимное расположение органов в определенной, ограниченной части тела. Дни и ночи просиживал Н.И. Пирогов в анатомическом театре, препарируя различные части тел, занимался артериальными стволами, делал опыты с перевязками на собаках и телятах, много читал и писал. Диссертация заставила о нем заговорить. Николай Иванович Пирогов стал доктором медицины в 21 год. Диссертация была переведена с латинского языка, на котором она была написана автором, на немецкий и напечатана в знаменитом хирургическом журнале.

И. Тихий. Н.И. Пирогов осматривает больного Д.И. Менделеева

Самой важной стороной деятельности Пирогова в Дерпте является именно то, что он одним из первых в Европе стал широко и систематически экспериментировать, стремясь решать вопросы клинической хирургии благодаря опытам над животными.

Блестяще защитив в Дерпте докторскую диссертацию осенью 1832 г., Пирогов в 1833 г. отправился за границу. В мае с группой молодых ученых — дерптских кандидатов он выехал в Берлин. В Берлине Пирогов учился у Фр. Шлемма анатомии и оперативной хирургии на трупах,

у И. Руста слушал клинические лекции по хирургии, у К. Грефе практиковался в хирургической и глазной клиниках, занимался оперативной хирургией в клинике И. Диффенбаха. Он также слушал величайшего биолога и физиолога Иоганна Мюллера, с 1833 г. читавшего в Берлине курс анатомии. Учителя, более других сочетавшего в себе все то, что искал в хирурге Пирогов, он нашел не в Берлине, а в Геттингене, в лице профессора К. Лангенбека.

По воспоминаниям Н.И. Пирогова, геттингенский профессор учил его чистоте хирургических

приемов, умению слышать цельную и завершенную мелодию операции. В годы учения Пирогова в Германии медицина еще не знала обезболивающих средств, поэтому тогда особенно высоко ценилась скорость проведения операции. За два года работы Пирогова в клиниках и лабораториях Берлина и Геттингена он углубил свои знания в анатомии, усовершенствовал хирур-

Риге повезло: не заболел Пирогов, она не стала бы местом его признания. Едва Николаю Пирогову стало лучше, он взялся оперировать. До обывателей и прежде доходили слухи о подающем большие надежды молодом хирурге, а теперь им представилась возможность на практике убедиться в его талантах. Первую свою операцию как мэтр, а не как ученик профессор Н.И. Пирогов выпол-

хирургической клиникой, так как сам был занят хлопотными обязанностями ректора.

В первых числах апреля 1836 г. Пирогов начал читать лекции в Дерпте. Все ждали выступления первого русского профессора-хирурга с любопытством и недоверием — русские могли занимать только кафедру русского языка. Пирогов появился в аудитории анатомического театра и приступил к чтению лекции. «Как смешно говорит он по-немецки», — сказал один студент. «Какой варварский акцент», — сказал другой. Все захохотали. Но Пирогов продолжал читать. Закончил он свою лекцию следующими словами: «Вы слышите, что я худо говорю по-немецки. Поэтому мои лекции не могут быть такими ясными, как я хотел бы. Прошу говорить мне каждый раз после лекции, в чем я не был достаточно вами понят, и я готов повторить и объяснить вам, что нужно».

Студенты впервые услышали такие слова и были поражены. Они ушли с первой лекции без той враждебности, с которой пришли в аудиторию. На второй лекции они мало смеялись над плохим немецким произношением молодого русского профессора, а на третьей им было не до смеха. Всех медиков, даже тех, которые имели право не ходить на лекции Пирогова, увлекла новая для них дисциплина — научно-хирургическая анатомия. Так возникла первая научная школа Пирогова. Со временем на его лекции стали приходиться не только медики, но и студенты других факультетов. Молодые люди толпились в клинике и аудиториях, чтобы послушать русского профессора, посмотреть, как он работает.

Через год Пирогов заставил заговорить о себе не только дерптских студентов, но и весь тогдашний европейский медицинский мир. Он выпустил в свет (на немецком языке, наиболее употребительном тогда у медиков всех стран)

Гениальность Пирогова заключается в том, что он первым сумел увидеть вещи, которые до него просто не замечали.

гическую технику и расширил объем своих научных исследований в области применения анатомии в хирургии.

Начало творчества

В мае 1835 г. Пирогов и его товарищ по институту Котельников в прусском почтовом дилижансе отправились из Берлина в Кенигсберг и Мемель, чтобы оттуда через Прибалтийский край добраться до Петербурга. В дороге Николай Иванович почувствовал себя плохо, пришлось на другой день высадиться на какой-то станции в маленьком немецком городке. Отдых подкрепил Николая Ивановича, и через сутки кандидаты продолжали путь до Мемеля, где наняли извозчика до русской границы. Однако Пирогов тяжело заболел и был оставлен для лечения в Риге. У больного был обнаружен сыпной тиф, его перевезли в большой загородный военный госпиталь и обеспечили исключительный уход. Только благодаря этому Николай Иванович выздоровел, но все-таки пролежал в госпитале два месяца. Выйдя из больницы, Пирогов был так слаб, что не мог выехать в Петербург и остался до полного выздоровления в Риге, где развил обширную практическую и научную деятельность.

нил в Прибалтике, и эта операция была пластической. Один парикмахер остался без носа. Жена от него ушла, клиенты разбежались, усомнившись в том, что он умеет обращаться с острыми предметами, друзья старались держаться подальше. Н.И. Пирогов спас его, сделал ему из кожи лба и пришив новый «нос» по методу немецкого хирурга Диффенбаха. Именно в Риге было положено начало славе Пирогова как ученого и практического врача.

Снова Дерпт и Иван Филиппович Мойер

После возвращения из Германии судьба снова привела Н.И. Пирогова в Дерпт, где он в 1836 г. стал в одном лице профессором теоретической, клинической и оперативной хирургии. Николай Иванович заехал в Дерпт повидаться с Мойером и узнал от него, что московская кафедра, куда хотел попасть Пирогов, уже отдана другому. Известие это произвело на Пирогова тяжелое впечатление. Спешить в Москву теперь было незачем, Николай Иванович не мог помочь своей семье так, как он рассчитывал. Он остался в Дерпте, где семья Мойера приняла его хорошо. Иван Филиппович предоставил Пирогову возможность распоряжаться университетской

Л. Коштелянчук. Н.И. Пирогов и матрос Петр Кошка

«Анналы» своей клиники. В предисловии к «Анналам» с невероятной для того времени смелостью Николай Иванович заявлял, что каждый практический врач должен откровенно говорить о своих ошибках. Хороших отзывов было много, но были и другие отклики на такую открытость Николая Ивановича. Жрецы медицины негодовали, что Пирогов подрывает их авторитет у публики, лишая их денег и обширной практики.

Хирургическая практика Пирогова увеличивалась с поразительной быстротой. Он не только не брал денег с больных, но в поисках интересных случаев платил больным из своего кармана. Началось паломничество в Дерпт больных из всех городов и местечек Прибалтийского края, а затем Пирогов с ассистентами и учениками стал совершать свои «чингисхановы» нашествия на все эти города и села, производя операции, делая вскрытия трупов в госпиталях и читая частные курсы по отдельным вопросам хирургии и анатомии.

Гениальность Пирогова заключается в том, что он первым сумел увидеть вещи, которые до него просто не замечали. Удивитель-

но, но Иван Филиппович Мойер не только не ревновал к успехам своего ученика, но признал его превосходство и даже передал ему свою кафедру. Удаление камней из мочевого пузыря Н.И. Пирогов делал за считанные минуты, в то время как его учитель, профессор и первоклассный врач выполнял такие операции за полчаса и более.

Несмотря на свой громадный преподавательский успех и обширную медицинскую практику, на приобретенную им за короткое время славу, Пирогов считал, что он должен еще многому научиться. Ему хотелось в Париж. Теперь в глазах правительства Пирогов был солидным ученым, а не легкомысленным кандидатом, и царь,

в Москве мать и сестер, которых не решался перевезти в Дерпт, боясь, что старым москвичкам будет тяжело ужиться в немецком городе, и надеясь, что ему скоро удастся перейти в русский университет. Это случилось в 1841 г., когда Николай Иванович получил кафедру в петербургской Медико-хирургической академии.

В Дерпте Н.И. Пирогов проработал в общей сложности около 10 лет. Это были очень плодотворные для него годы. О том напоминает установленный в Тарту памятник Николаю Ивановичу Пирогову работы эстонского скульптора Ю. Раудсеппа. За время работы в Дерпте Пирогов издал: 1) «Хирургическую анатомию артериальных стволов и фасций»

В жизни Н.И. Пирогова не было случайных озарений. Все его достижения — результат титанического по объему и творческого по характеру труда.

«взяв в соображение благородную страсть профессора Пирогова к своей науке и желание его через усовершенствование самого себя еще более принести пользы учащимся», разрешил поездку. В Париж Пирогов прибыл в январе 1838 г. после утомительно-го тринадцатидневного путешествия. Здесь, наряду с посещением лекций и практических занятий некоторых профессоров, а также госпиталей, клиник, он много занимался вивисекцией больных животных, особенно на бойнях.

Вернувшись в конце года в Дерпт, Пирогов продолжал свои университетские занятия, а кроме того читал общедоступные публичные лекции, по-прежнему совершал хирургические поездки по краю. Прошло пять лет со времени возвращения Пирогова из Германии. За это время он три раза посетил

на латинском и немецком языках (выдержала несколько изданий, среди которых были и русские; переиздавалась вплоть до 1881 г.; удостоена Демидовской премии Академии наук); 2) два тома «Клинических анналов» (за 1836–1839 гг.); 3) монографию о перерезании ахиллесова сухожилия. Кроме того, под его непосредственным руководством было написано пять диссертаций на разные темы. В 1841 г. Н.И. Пирогов покинул Дерпт и стал профессором Медико-хирургической академии в Петербурге.

Медико-хирургическая академия, Петербург

На кафедре хирургии в Медико-хирургической академии Пирогов проработал 15 лет и создал первую в России хирургическую клинику. В это время он создал еще одно направление медицины —

госпитальную хирургию. Пирогов застал Медико-хирургическую академию и связанные с ней госпитали в ужасном положении. Анатомические занятия, требующие воздуха и света, происходили в старом, невзрачном деревянном бараке; вскрытия трупов — до двадцати в день — производились в отвратительных до невозможности старых банях госпиталя.

Несмотря на это, в аудиторию, где он читает курс хирургии, набивалось человек триста. Послушать Пирогова приходят студенты других учебных заведений, литераторы, чиновники, военные, художники, инженеры, даже дамы. У него харизма, о нем пишут газеты и журналы, сравнивая его лекции с концертами прославленной итальянки Анжелики Каталани. Божественное пение сравнивают с его рассказами о разрезах, швах, гнойных воспалениях и результатах вскрытия.

Николая Ивановича Пирогова назначают директором Инструментального завода. Он придумывает инструменты, которыми любой хирург сделает операцию хорошо и быстро. Его просят принять должность консультанта, и он опять соглашается. На втором году петербургской жизни Николай Пирогов тяжело заболел, отравленный работой и дурным воз-

духом мертвецкой. Полтора месяца он не мог подняться. Но в эти непростые дни произошло великое событие — был высочайше утвержден его проект первого в мире Анатомического института.

16 октября 1846 г. имело место событие мирового значения — первое испытание эфирного наркоза. В России первую операцию под наркозом 7 февраля 1847 г. сделал Федор Иванович Иноземцев. Он возглавлял кафедру хирургии Московского университета (на которую претендовал когда-то Пирогов). На неделю позже первую операцию с применением обезболивания сделал Николай Иванович. Однако Иноземцев с февраля по ноябрь 1847 г. сделал под наркозом восемнадцать операций, а Пирогов уже к маю 1847 г. — пятьдесят. Страсть к экспериментаторству, желание познать непознанное сидели в Николае Пирогове едва ли не с детства.

«Постичь всё и вся» — этим девизом Николай Иванович руководствовался всю свою жизнь. Постичь с помощью эксперимента, методом проб и ошибок и, если нужно, не жалеть себя ради науки. Не побоялся Николай Иванович на себе проверить действие наркоза. А ведь тогда никто не знал, чем закончится этот опасный эксперимент, проснется ли доктор, приняв большую дозу эфира. Ра-

ботая с эфиром, Пирогов, кроме обыкновенного способа этеризации с помощью вдыхания, применял другой, изобретенный лично им, — он вводил пары эфира в кишечный канал через прямую кишку. Он придумал также два прибора — для наркоза по своему способу и для вдыхания. Опыты Пирогова привлекли внимание всей грамотной России: в газетах и журналах печатались сообщения о его новом открытии. За год в тринадцати городах России было совершено шестьсот девяносто операций под наркозом. Половина из них пироговские.

Важно понимать, что в жизни Н.И. Пирогова не было случайных озарений. Все его достижения — результат титанического по объему и творческого по характеру труда. Например, замороженные и разрезанные свиные туши, которые он увидел на Сенной перед праздниками, навели его на мысль о замораживании и распиливания трупов с целью точного определения расположения внутренних органов, не подвергшихся посмертному смещению и разложению. Составленный им атлас таких распилов представляет собой драгоценный и непревзойденный вклад в хирургическую анатомию. Сам Пирогов называл это «ледяной анатомией». Так родилась новая медицинская дисциплина — топографическая анатомия. Интересно, что в современной компьютерной томографии воплотились принципы «ледяной анатомии» — этого гениального творения Николая Ивановича Пирогова. В России период успешного развития теоретической и практической хирургии получил название Пироговского периода.

«Курс прикладной анатомии» еще до того, как автор завершил его, был награжден Демидовской премией Академии наук по представлению знаменитого академика К.М. Бэра.

И. Репин. Приезд Н.И. Пирогова в Москву на 50-летний юбилей его научной деятельности. Эскиз. 1883–1988 гг.

ПЭС 10253/14.12.2010

Окончание следует